

УДК 321.7

Стариш А. Г.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ОТКРЫТЫХ СИСТЕМ

Первой задачей философии должно оказаться получение чистого опыта, то есть без всего того, что в развитии мышления оказалось примесью к опыту.

Рихард Авенариус

Достижения науки конца 40-х – начала 50-х годов уходящего столетия заставили современных философов достаточно существенно пересмотреть взгляды на общество, на системы общественного устройства, на традиционные системы ценностей. Отправной точкой такой трансформации послужила теория конвергенции. Однако, осуждаемый гуманитариями "технологический подход", во всем блеске, особенно с учетом создания системы международных информационных телекоммуникаций, проявился на рубеже II и III тысячелетий.

Естественно, что информационная революция спровоцировала и новейшую революцию в области гуманитарных и социальных наук. В свою очередь эта революция показывает, что гуманитарными науками все больше осваивается заимствованная у естествознания модель «точной науки», опирающейся не только на качественный, но и на количественный анализ, эксперимент и ориентированной не столько аксиологически, сколько технологически.

Так с каких же позиций выступает новейшее гуманитарное знание, изучающее разнообразное влияние «человеческого фактора» при моделировании современных технополисов? Служит ли оно приспособлению техники к человеку или человек является рабом-слугой техники?

Сегодня существует две основные тенденции-предпосылки при рассмотрении данного вопроса:

- постмодернистское *предостережение* прогрессу;
- открытое (постиндустриальное) общество *наследует* индустриально-техническую доминанту.

Если справедлива первая предпосылка, то все вопросы, связанные с ней, упираются в главный, касающийся самой сути человека: является ли гуманитарное знание, сформированное западной цивилизацией, наиболее адекватным выражением человеческой природы, не знающей естественных норм и границ, или, напротив, Запад явил миру авантюру – отклонение от естественного человеческого образа и естественного порядка.

Если справедлива вторая предпосылка, и открытое общество наследует технико-технологическую доминанту, соответствующим образом адаптированную к современным условиям и вызванными ими соответствующими требованиями: вместо энергоемкого – наукоемкое, вместо промышленной гигантомании – гибкие малые и средние формы на базе high technology, вместо традиционной машинной индустрии – информационная, то можно с высокой степенью вероятности прогнозировать капитуляцию новифилологической элиты. Постоянно прогрессирующие достижения научно-технического прогресса и, как следствие, экономического благосостояния будут способствовать постоянному сужению политического ареала гуманитарной элиты.

С точки зрения теории открытых систем, можно прогнозировать, что вслед за политическими лидерами государств переходного типа, провозгласившими пересмотр основополагающих принципов развития своих держав, последует более многочисленное среднее звено – звено «командиров производства». И по мере преодоления технического консерватизма индустриальной эпохи и переориентации на high technology оно будет становиться адептом западного постиндустриализма. Его тяготение к правоцентристским коалициям с явными уклонами в стратегию «третьего пути» постепенно сменится последовательным техническим экуменизмом в духе открытого – демократического общества.

Современный политический гуманизм имеет два лица: националистическое и космополитическое. При этом, как считают как «технари», так и гуманитарии, они имеют достаточно глубокое внутреннее сходство, которое, например, А. Турен выразил так: «Две доминанты современной культуры выступают в тесной взаимосвязи: чем больше окружающий нас мир выступает как произведенный универсум, как техническая среда, тем больше люди выступают в качестве социальных атомов, лишившихся прежних богов и ритуалов – всей символической системы, с помощью которой прежние общества привязывали к себе индивида». Таким образом, учитывая сходство между техническими универсалиями демократического общества (шкала по теории открытых систем) и универсалиями либерализма, объединяющими людей помимо сословно-групповых и этнических перегородок, можно с высокой степенью вероятности ожидать консолидации между технократической и гуманитарной элитами, выступающими с лозунгами *единых прав человека и единого информационного пространства*.

То есть мы вновь возвращаемся к теории конвергенции Дж. Голбрейта и У. Ростоу и трансформируем ее положения, применительно к современному уровню научных достижений, таким образом: по мере развития мировой информационной (коммуникационной) системы будет происходить сближение полюсных (крайних) взглядов, путей и способов-технологий развития человеческой цивилизации.

Отметим при этом, что процессы информационного накопления значительно опережают возможности информационных инвестиций – возможности адаптировать общие модели к специфическим областям политической практики. Таким образом, духовные элиты государств всех трех – демократического, переходного и недемократического типов, дискредитируя известные способы жизнеустройства, не могут установить новые (пример М. Горбачева). В контексте политических технологий это можно обозначить как неспособность государственных элит стать субъектами конкретного политического действия, трансформаторами общих целей и ценностей (практически всегда заимствованных) на язык интересов конкретных групп. Хотя особенность подлинных элит состоит в том, что, активно взаимодействуя со средой, центрами национального и мирового духовного производства, они не порывают с группой, интересы которой представляют, активно привносит сюда почерпнутую из вне информацию. Сложность в развитии государств переходного типа состоит еще и в том, что их социальные группы еще не сформировали своих элит, способных удовлетворять названным требованиям: чем интенсивнее их (элит) контакт с внешним окружением, тем слабее их связь с внутренним. Такое состояние можно охарактеризовать как денационализацию политической элиты. При этом параллельно идет денационализация наиболее мобильных социальных слоев, прежде всего тех, благодаря которым социум государств переходного типа приспособляется к новой эпохе, ее нормам и требованиям. И в первую очередь это относится к молодежи.

В свете сказанного целесообразно остановиться на следующем. В настоящее время каждые десять лет объем производимой цивилизацией информации удваивается. И эта тенденция непрерывно стремится к геометрической прогрессии. То есть имеются все основания констатировать тот факт, что производство знаний превратилось в полноценную самостоятельную отрасль современной экономики. Естественно, что технология данного производства требует наиболее квалифицированных кадров. В этих условиях особую роль приобрел вопрос о практическом использовании-применении производимых знаний, повышении информационного обеспечения общественной практики, возрастании удельного веса high technology и социально-управленческих знаний в общей сумме инвестируемого интеллектуального капитала. Очевидно, что главным аспектом эффективности использования уже накопленного и создаваемого новейшего знания является демографическая проблема.

Практика показывает, что особое место в системе интеллектуальных запросов отводится новейшим экспериментальным поискам научной и общественно-политической мысли. Не обремененная познаниями предыдущих поколений, наиболее активным как производителем, так и потребителем новейших знаний практически всегда выступает *молодежь*: т. е. на духовный климат общества информационная революция оказывает влияние преимущественно через образование молодого поколения. Таким образом, молодежь выступает в качестве группы, посредством интеллектуальной, профессиональной и культурной

активности которой общество интегрирует достижения научно-технического прогресса.

Реакцию – удовлетворенность-неудовлетворенность (S – satisfaction) – социальной группы, занятой в процессе информационного обмена – отношении информации уже адаптированной к новым условиям и используемой при принятии соответствующих решений (V' вых.) к накопленной (V' нак.) и сгенерированной (V' сген.) можно представить в виде формулы:

$$S = \frac{V'_{\text{вых.}}}{V'_{\text{нак.}} + V'_{\text{сген.}}} \quad 100 \% \quad (1)$$

Активное взаимодействие различных социальных групп государств переходного и демократического типов (к недемократическим системам это относится в значительно меньшей степени) создает условия, когда V' нак. значительно опережает возможности ее перевода в V' вых., то есть в плоскость использования-применения для принятия практических решений. Очевидно, что такой информационный обмен способствует циклическому развитию общества: сперва доминируют периоды накопления информации, за ними следуют периоды использования обработанной и проанализированной информации. При этом цикличность проявляется в том, что при некотором критическом значении S – перепроизводстве общей информации по отношению к информации социальной – наступает кризис. И, соответственно, наоборот: по мере роста использования уже накопленной информации – общественный подъем.

Геометрический рост технико-технологических достижений, когда человек не только на работе, но и в быту окружен последними новинками high technology, создают высоконасыщенную информационную среду постоянного обитания. При этом внешняя информационная среда (что наиболее характерно для стран недемократического и, частично, для стран переходного типов) искусственно («железный занавес») отделялась от внутренней среды, среды трансформации языка абстрактных знаний на язык практических решений.

С разработкой и внедрением современных информационных технологий очень быстро достигает критического значения и огромный информационный поток, даже частично прошедший через сознание индивидов держав недемократического типа, рушит «железный занавес». На наш взгляд, это только вершина айсберга информационной революции.

В условиях информационной революции ключевым для общества переходного типа является вопрос: сумеет ли оно сохранить в собственном социокультурном поле передовые общественные группы? Особенно остро эта проблема касается наиболее инновационной части общества – молодежи.

Научно-технический прорыв послевоенного (1939-1945 гг.) периода привел к массовому моральному старению профессий: более 50% всех ныне существующих профессий не были известны каких-то 30 лет назад. Решение этой проблемы в основном сводится к активизации профессиональной миграции, в которой главная

роль принадлежит молодежи, так как прежде всего именно она занята освоением новых специальностей. Практика показывает, что территориальная подвижность молодежи в пять раз выше территориальной подвижности других возрастных групп населения.

Такая территориальная подвижность молодежи порождает как минимум две проблемы:

1. Миграция городов – города-призраки;
2. Межнациональные браки – стирание отличительных национальных особенностей конкретных культур – базы национальностерильных государств.

В свою очередь, проблему миграции городов целесообразно разделить на две подпроблемы:

1.1. Миграции, вызванной оттоком в поисках работы населения детородного возраста и, как следствие, естественного вымирания населения и появления городов-призраков;

1.2. Миграции, вызванной техногенными катастрофами – ключевое *влияние человеческого фактора* и/или ошибки в целесообразности проектирования высокотехнических производств на потенциально опасных территориях – территориях возможного проявления природных катаклизмов: вулканических извержений, землетрясений, цунами, смерчей.

Результатами этих проблем является невосполняемая затратная экономика и падение жизненного уровня населения, провоцирующие очередную миграцию населения.

И если первая из обозначенных проблем имеет однозначно негативные последствия для общества, то вторая имеет и свои, правда, уже более для мирового сообщества в целом, нежели для конкретной нации, положительные стороны.

Первая из них состоит в том, что интернациональные браки воспроизводят более жизнеспособное население.

Вторая – миграция населения способствует:

– перераспределению всех имеющихся у человечества материальных ресурсов, при вполне, с точки зрения цивилизации в целом, разумной концентрации интеллектуальных;

– относительно быстрому разрушению «железных занавесов» и, как следствие, переходу от состояния державы недемократического (потенциально взрывоопасного не только для внутреннего, но и для внешнего мира) к переходному и – в перспективе – демократическому типу.

Естественно, что, так как носителем информации является индивид, именно постоянно мигрирующий человеческий поток и является составной частью межсредового информационного пространства. Вторым носителем информации в межсредовом информационном пространстве являются коммуникации. И, естественно, нет никакого смысла противопоставлять один информационный носитель другому – они органически взаимосвязаны. Таким образом вопрос: что первично или кто главнее – теряет всяческий смысл.

Политическая система как таковая не имеет какого-то специфического инструментария, позволявшего бы ей сорбировать и целенаправлять материально-

интеллектуальный потенциал управляемых ею. Естественно, что для эффективности политической системы она должна быть способна перерабатывать социальные заказы в принимаемые (поддерживаемые) населением политические решения и технологии их реализации.

Какие же технологии при этом используются?

1. Трансляция информации из внешнего информационного потока во внутренний.

2. Превентивное развитие внешнего информационного потока.

Рассмотрим теперь каждую их технологий в отдельности.

Основной деформацией, характеризующей державы недемократического типа является неспособность и/или нежелание их политических систем постоянно сопоставлять интересы, генерируемые внутренним и внешним информационными потоками. В этом случае социальная неудовлетворенность – крайне низкое значение S – практически не имеет легального выхода. При том, что официальный (внутренний, полностью контролируемый) информационный поток пресыщен оптимизмом и благодушием. В условиях, когда общественная деятельность приобретает более комплексный характер, узкоотраслевой способ сбора и обработки информации становится тормозом, препятствует развитию общества. Межведомственная разобщенность фактически является «черной дырой», сорбирующей социальную информацию и, как следствие, не учитывающую интересы различных социальных групп. Кроме того, структура официальной коммуникации всегда – даже в системах демократического типа – консервативна и, как следствие, с большим опозданием реагирует на новые социальные требования времени, постоянно таким образом подвергая себя возможности быть отлученной от власти, т. е. вызвать новые социальные потрясения.

Таким образом, для полноценного функционирования внешнего информационного потока только внедрение новых достижений научно-технического прогресса недостаточно. Информационная революция должна носить и социальный характер: то есть обеспечить свободный информационный обмен между внутренним и внешним информационными потоками. Отметим при этом, что появление межсредового информационного пространства при слабом влиянии друг на друга внутреннего и внешнего информационных потоков только увеличивает пропасть между ними, приводит к запаздыванию в принятии решений и вместо созидательных порождает разрушительные для политической системы силы. Теперь становится понятным философский смысл государств демократического типа: накапливаемая во внешнем информационном потоке информация стабильно поступает во внутренний информационный поток, что дает возможность политической системе оперативно реагировать на новые социальные проблемы, возникающие не только по инициативе самой политической системы, но и под влиянием межсредового информационного пространства.

Перейдем теперь к рассмотрению второго пути – технологии трансляции социального заказа в принимаемые решения.

Для государств недемократического типа характерна монополизация всех государственных функций в руках политической системы. Недоверие к обществу,

крайняя ревность к самостоятельности и независимой инициативе заставляет систему стремиться вмешиваться в сферы общественной жизни, включая личную. Такое вмешательство связано не с попыткой получения обратной связи на принимаемые системой решения, но на тотальное распределение – влияние на собственное общество. При этом практически вне поля зрения, остаются целые пласты народной жизни: хозяйственной, культурной, семейно-бытовой, опирающиеся на соответствующие обычаи и традиции, а, следовательно, и не учитываемые при принятии решений. Таким образом, государственные институты власти выступают гегемоном, требующим самоотказа от проявления любых инициатив во имя светлого будущего. Этатизм деформирует всю систему управления, препятствуя не только развитию самоуправления, но даже в рамках собственной административной системы разумного делегирования административных полномочий сверху вниз.

Опыт становления государств открытого типа показывает, что при принятии решений, кроме его принимающего, должны также присутствовать эксперты. Но информационная революция внесла свою поправку в эту схему. В диалог двух неравных – управленца и эксперта (будь то «гуманитарий» или «технар»), должен быть включен третий участник – тот, чью судьбу в той или иной степени затрагивает принимаемое решение, то есть представитель заинтересованных групп населения. Так как именно ему предстоит пожинать результаты принимаемого решения. И, как показывает опыт, благодаря прежде всего интуиции заинтересованной стороны можно избежать фатальных ошибок при принятии решений. Такая модель дает не только колоссальный выигрыш во времени и оперативности принятия решения, но и, что не менее важно, выигрыш в качестве.

Модель государства демократического (открытого) типа включает не только внутренний, циркулирующий между субъектами политической системы, но и внешний информационный поток, обеспечивающий стабильные, полноценные связи во внешней среде. Отметим при этом, что внешний информационный поток значительно больше внутреннего по объему, т. е. по количеству вырабатываемых и принимаемых внутри него решений. Внутренний же определяется сравнительно узким кругом проблем государственного масштаба. Однако, этот круг динамичен: государство демократического типа эволюционирует по пути возрастающего делегирования функций сверху вниз: от государственных институтов власти к многообразным субъектам гражданского общества.

Теория открытых систем, построенная на основе создания и внедрения современных информационных технологий, уже перевернувших в умах многих представление как об устройстве общества и общественном сознании, так и о возможных путях развития человечества, позволяет предположить следующее.

Конкуренция интересов различных социальных групп практически всегда (но уже на государственном уровне!) препятствует созданию четкой стратегической линии и/или выработке определенного стратегического курса при принятии тех или иных решений. Тем более, что далеко не всегда возможно рассчитать или предопределить результаты-последствия тех или иных научных исследований и разработок. Именно на этом стыке мы подходим к пониманию истоков

противоречия "гуманитарии" – "технологический подход". Политики, определяющие стратегию и тактику развития государства, обычно люди – 50-ти и более лет. Их отставание от уровня научно-технического прогресса более чем существенно. Ученые же и разработчики обычно далеки от политики. Этим и только этим мы можем объяснить тот факт, что, являясь родителями систем телекоммуникаций – от оборудования до программного обеспечения – США так и не стали хозяевами Internet и, как следствие, всех тех возможностей, которые Internet предоставляет. Повторимся: пользователями – да, хозяевами – нет: дети научно-технического прогресса *уже опережают* своих родителей!

Таким образом, можно констатировать тот факт, что межсредовое информационное пространство, давая неограниченные возможности в смысле личностного (индивидуального) общения и обмена произвольными информационными массивами, практически *не подвластны* какой бы то ни было *идеологии*. При этом, являя собой систему сообщающихся сосудов между государствами с различными политико-экономическим, социальным, национальным, религиозным и культурным укладами, **открытые системы фактически являются внесударственной системой. В этом и состоит смысл теории открытых систем.**

Перспективы применения теории открытых систем огромны, например, как только открытые системы достигнут критической в рамках мирового пространства массы (определенное количество пользователей-абонентов, влияющих в той или иной степени на принятие решений системой, в которой они находятся и рассчитать которую сегодня практически невозможно, а косвенные оценки вряд ли когда-нибудь совпадут с реалиями), государственные институты власти, включая политическую элиту, увидят, что их властные полномочия сокращаются: внешняя среда не принимает вырабатываемые политической системой решения.

То есть через систему сообщающихся сосудов начнется перераспределение власти, перераспределение сфер влияния в сторону выравнивания возможностей всех членов-участников системы. В качестве примера такой ситуации и/или модели можно привести Канаду и Австралию – доминионы Великобритании и независимые постсоветские (переходного типа) государства: *реальных возможностей для развития у доминионов больше, чем у независимых государств*. Парадокс? Отнюдь. Просто работает открытая система – система сообщающихся сосудов.

Смеем предположить, что теория открытых систем станет основополагающей технологией моделирования путей развития мирового сообщества на ближайшие десятилетия.

Внедрение средств телекоммуникаций и современных информационных технологий окажет непереоценимое влияние на взгляды и убеждения не только личности как таковой, но и наций и народов. Это влияние приведет к качественному росту их мировосприятия и, как следствие, коренному изменению мировоззрения, что повлечет за собой существенное сглаживание разницы в уровне мышления всех действующих лиц открытых систем.

Таким образом, межсредовое информационное пространство – пространство международных контактов, развивающееся вне рамок традиционных национальных

государств, созданное многонациональными корпорациями, неправительственными организациями и научными обществами, получившее колоссальное развитие благодаря Internet, фактически являет собой неофициальную мировую систему сопряжения интересов, способствующую более упорядоченному и всеохватывающему сотрудничеству в глобальных масштабах. В ближайшие десятилетия на базе межсредового информационного пространства может быть создана реально функционирующая система глобального сотрудничества, которая постепенно возьмет на себя роль мирового «регента», способного нести груз ответственности за стабильность и безопасность во всем мире.

Список литературы

1. Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. – М., 1994.
2. Старіш О. Г. Духовність і суспільство на порозі 2000-річчя Різдва Христова. – Матеріали Міжнародної Ювілейної конференції. – Севастополь – Сімферополь, 1997.

Поступило в редакцію 21 мая 2001 г.